

Ресторан расположился в старинном, окутанном дымкой истории здании в самом центре города.

Здесь не было никакой кричащей вывески, заказы заранее не принимались, а в зале одновременно могли находиться лишь одни гости, что гарантировало абсолютную, почти стерильную приватность.

Вэнь Лань подошла к организации этой встречи с предельной ответственностью.

Ши Цзянь остановился перед массивной дверью, глубоко вдохнул, стараясь успокоить сердце, и тихо, едва слышно выдохнул.

Его шаги еще никогда не казались ему такими тяжелыми, словно к ногам привязали невидимые гири, но он всё же пересилил себя и толкнул дверь.

Вэнь Лань прибыла раньше него. Увидев, что он вошел, она тут же поспешно поднялась навстречу, слегка опустив голову и с трудом сдерживая почти инстинктивное желание протянуть к нему руку.

Они обменялись коротким, формальным рукопожатием и тут же, словно обжегшись, отстранились друг от друга.

- Здравствуйте, господин Ши, я Вэнь Лань.

- Здравствуйте, госпожа Вэнь, я Ши Цзянь.

За исключением этого короткого, натянутого вступления, весь обед прошел почти в полном, гнетущем молчании.

подаваемые блюда были изысканными, настоящими произведениями кулинарного искусства, но оценить их вкус было некому.

Взгляд Ши Цзяня был спокойно и отрешенно устремлен в тарелку; он сосредоточенно разглядывал густой соус, в котором было совершенно невозможно распознать отдельные ингредиенты.

- Прошу прощения, господин Ши, должно быть, я поставила вас в неловкое положение, - Вэнь Лань тихо отложила столовые приборы, к которым она так и не притронулась за всё это время.

Ши Цзянь вздрогнул от неожиданности и поднял на нее глаза.

Только сейчас он по-настоящему, внимательно разглядел госпожу Вэнь: выражение ее лица было таким скованным и виноватым, словно она была маленьким ребенком, совершившим какую-то непоправимую ошибку.

Он тоже отложил приборы и мягко, стараясь звучать дружелюбно, ответил:

- Не стоит так говорить.

Он видел, что эта девушка не питает к нему никаких злых намерений и даже чувствует себя еще более растерянной и смущенной, чем он сам.

Она не переходила дозволенных границ, не пыталась использовать свое высокое положение, чтобы давить на него, и полностью, искренне уважала его выбор.

Отказ Ши Цзяня и его последующее согласие прийти на эту встречу не имели к ней никакого отношения – на то были совсем другие, глубоко личные причины.

Поэтому, видя ее нервозность и явное смятение, Ши Цзянь проникся к ней сочувствием и очень хотел избавить ее от этого гнетущего и необъяснимого чувства вины.

Однако он совершенно не знал, как именно это сделать, и боялся, что любые его действия или слова лишь приведут к новым, еще более досадным недопониманиям.

Вэнь Лань тихо, едва слышно вздохнула, положила руки на колени и слегка нахмурилась.

Она и сама не знала, как правильно себя вести в этой ситуации.

Когда секретарь принесла каталог украшений нового сезона, она снова увидела лицо, которое когда-то в далекой юности заставило ее сердце биться чаще.

Хотя, пожалуй, теперь оно выглядело немного другим.

В любом случае, перед ней было лицо зрелого мужчины, обладающего немалым, притягательным обаянием, и этот образ не совсем совпадал с тем образом чистого, мягкого и хрупкого юноши из ее воспоминаний.

Но Вэнь Лань в тот миг едва не выкрикнула вслух то самое имя.

Влюбленность в девичьи годы нельзя было назвать настоящей, глубокой любовью, но ее было крайне трудно забыть.

Девушка, которая никогда в жизни не пользовалась своим происхождением, чтобы совершать что-то предосудительное или эгоистичное, в этот раз всё же решилась на смелый, почти отчаянный поступок.

- На самом деле... я была одноклассницей молодого господина Чу, поэтому попросила госпожу Чу помочь мне связаться с вами... Надеюсь, я вас не обидела.

Но она понимала, что само ее состояние и эта странная встреча уже доставили ему определенные неудобства, оттого и была внутренне расстроена.

Ей отчаянно хотелось сказать что-то еще, чтобы хоть немного разрядить эту тяжелую обстановку.

Услышав слова «молодой господин Чу», Ши Цзянь едва заметно изменился в лице и даже невольно, почти неосознанно подался вперед.

Немного подумав, он как бы невзначай, очень тихо произнес:

- Не ожидал, что вас связывает такая история с госпожой Чу. Должно быть, вы и молодой господин Чу были настоящими звездами школы в те годы.

Увидев, что он охотно подхватил тему, госпожа Вэнь почувствовала, как с ее души наконец упал тяжелый камень, и немного расслабилась.

Она мягко, с легкой грустью улыбнулась:

- У меня с самого детства был такой робкий характер, где уж мне было тягаться со «звездами». А вот молодой господин Чу был настолько ярким, что его было просто трудно не заметить.

На самом деле, в глазах Вэнь Лань существовали люди куда более примечательные и интересные, чем Чу Юнь.

Но она внезапно вспомнила, что в школьные годы о Тун Хуа и Чу Юне ходили не самые приятные, двусмысленные слухи, и в присутствии Ши Цзяня поднимать эту тему было совершенно ни к чему.

Чу Юнь действительно был особенным, хотя вряд ли его можно было назвать выдающимся в общепринятом смысле слова.

Просто у него был особый, привилегированный статус, к тому же он был переводным учеником - кто же в то время не знал молодого господина из влиятельной семьи Чу?

Он был красив, но эта красота не была в том вкусе, который нравился Вэнь Лань.

Можно ли было назвать этого молодого господина Чу «звездой школы» - вопрос весьма спорный, но вот «непокорным» и своенравным его можно было считать наверняка.

Впрочем, Вэнь Лань он не был неприятен.

Ведь в школе Чу Юнь никого не ставил ни во что, не пытался доминировать, а всегда держался особняком, в своем собственном мире.

Она была абсолютно уверена: даже если бы они когда-то представились друг другу лично, Чу Юнь не стал бы сейчас искать в закоулках своей памяти какую-то неприметную, серую одноклассницу.

Упоминание Чу Юня было для нее лишь удобным способом сблизиться с Чу Хуан.

Размышляя об этом, она вдруг поймала себя на странной мысли: может, Чу Юнь забыл даже Тун Хуа, поэтому так равнодушно и спокойно отнесся к тому, что человек с почти идентичным лицом появился в его компании?

Это вполне укладывалось в рамки того высокомерного и заносчивого характера, которым славился молодой господин Чу.

Однако следом в её голове всплыл другой вопрос: разве он и Тун Хуа не были близкими друзьями?

Даже такой отъявленный негодяй, как Чжан Чао, в своё время получил от него по заслугам за свои дерзкие и оскорбительные слова. Подобные воспоминания, пропитанные сильными эмоциями, вряд ли можно было так просто и бесследно стереть из памяти.

Как бы то ни было, она осознавала, что знает слишком мало - как о самом Чу Юне, так и о ком-либо другом из того круга.

Как она уже упоминала в разговоре с Чу Хуан, она осталась в стране лишь по одной причине – из-за матери, которая бесконечно за неё переживала. Дней, проведенных в четырех стенах на больничном, в её жизни оказалось куда больше, чем дней, проведенных за школьной партой. Позже мама, окончательно испугавшись за её здоровье, решила нанять частных учителей для домашнего обучения и вовсе отказалась от идеи отправлять дочь в школу.

Еще до того, как болезнь окончательно заперла её дома, она твердо решила однажды набраться смелости и спросить Тун Хуа, можно ли им подружиться. Ей не нужно было ничего особенного – просто... самой обычной, легкой дружбой, чтобы иногда можно было просто поболтать о пустяках.

Но когда она наконец решилась, оказалось, что Тун Хуа уже бросил учебу.

По иронии судьбы, она сама тяжело заболела, а к тому моменту, когда она окончательно поправилась и вернулась к привычной жизни, и след Чу Юня давно простыл.

- Не стоит так говорить.

Этот стремительный поток воспоминаний пронесся в её сознании в одно мгновение, и когда Ши Цзянь снова заговорил, Вэнь Лань не сразу смогла переключиться и понять, что именно он имеет в виду.

- Слово «робкий» к вам совершенно не подходит, – серьезно произнес Ши Цзянь. – Спокойствие – это редкое и ценное качество, а ваша осторожность продиктована лишь искренним страхом доставить мне неудобства, я это прекрасно понимаю. Вы не доставили мне никаких хлопот.

Сердце Вэнь Лань болезненно сжалось: в этот миг она подумала, что по-настоящему прекрасные люди всегда обладают столь же прекрасными и благородными качествами.

В свое время её робкая симпатия к Тун Хуа возникла именно из-за одного случая: он помог ей подняться, когда она случайно упала, и, не раздумывая, протянул ей свою куртку, чтобы прикрыть порванное платье.

Но чем больше она теперь об этом вспоминала, тем сильнее и острее становилось чувство вины, грызущее её изнутри.

Она решила не развивать эту тему, посчитав, что только что обсуждавшийся Чу Юнь – куда более безопасный и нейтральный выбор для разговора. В конце концов, Чу Юнь был его непосредственным начальником, так что говорить о нем было не зазорно и даже уместно.

На самом деле она знала не так уж много подробностей, но Ши Цзянь слушал её с необычайным, почти пугающим вниманием. Иногда на него становилось даже страшно смотреть: казалось, стоит лишь на мгновение задержать взгляд на этих глубоких глазах, и можно утонуть в них без остатка.

Ши Цзянь и впрямь был полностью поглощен её рассказом. В словах госпожи Вэнь он словно видел другого человека – исполненного гордости, дерзости и юношеского максимализма юношу из иного, давно ушедшего пространства.

Он почти физически мог представить, как юный Чу Юнь сидит в самом дальнем углу класса с высокомерным и холодным взглядом, отгораживаясь от всего мира. В груди Ши Цзяня разлилась тонкая, едва уловимая горечь, от которой сердце неожиданно смягчилось.

Сам того не заметив, он едва заметно улыбнулся, а его взгляд стал таким нежным и прозрачным, словно в нем отразилась неподвижная гладь лесного озера.

Вэнь Лань внезапно и резко встала, опираясь тонкими пальцами о край стола, и тем самым в одно мгновение разрушила эту хрупкую атмосферу.

- Я... думаю, не стоит больше отнимать ваше время, - Вэнь Лань поспешно опустила голову и с легким, заметным замешательством начала искать свою сумку.

На самом деле её сумку уже давно забрал официант, но она просто не знала, чем занять руки от охватившей её растерянности.

Это произошло так внезапно и без видимых причин, что Ши Цзянь тоже поднялся, искренне недоумевая, что случилось.

Вэнь Лань ничего не объяснила, и Ши Цзянь, разумеется, не стал задавать лишних вопросов. Он молча последовал за ней, и вскоре они оказались снаружи, на свежем воздухе.

Глядя на хрупкую, напряженную спину перед собой, Ши Цзянь лихорадочно пытался вспомнить, не сказал ли он чего-то неуместного или резкого, что могло бы её задеть или обидеть.

Пока он был погружен в эти раздумья, Вэнь Лань внезапно и резко остановилась.

- Простите, - она резко обернулась и едва не врезалась в Ши Цзяня, от чего испуганно отступила на два шага назад.

Она потеряла равновесие и чуть было не упала, но Ши Цзянь уверенно и быстро поддержал её за плечи.

- Осторожнее, - тихо сказал он и тут же, соблюдая дистанцию, отпустил её. - Я же говорил вам, госпожа Вэнь, вы не доставили мне никакого дискомфорта.

Он решил, что она всё еще пытается извиниться за свое беспокойство и неловкость во время обеда.

Вэнь Лань медленно выпрямилась, и когда она снова подняла голову, Ши Цзянь заметил, что глаза её слегка покраснели от сдерживаемых слез.

Ши Цзянь непроизвольно сжал ладони, желая что-то сказать, чтобы утешить её, но в итоге промолчал.

- Я... я могу вас обнять? - тихо спросила Вэнь Лань, а затем, словно испугавшись собственной смелости, поспешно добавила: - Совсем ненадолго.

На этот раз в полное замешательство пришел сам Ши Цзянь:

- Прошу прощения, госпожа Вэнь, я...

- Ничего страшного! - поспешно прервала его Вэнь Лань и совсем тихо, почти шепотом, добавила: - Тогда давайте просто пожмем руки.

Ши Цзянь, не желая докапываться до истинных причин её поведения, ответил с той же мягкостью и пониманием. Он до самого конца так и не понял, почему эта сдержанная госпожа Вэнь испытывала к нему столь сильные, почти болезненные эмоции.

Он протянул ей руку и спокойно произнес:

- До свидания, госпожа Вэнь.

Вэнь Лань пожала его руку и с грустной улыбкой медленно покачала головой:

- Больше мы не увидимся, господин Ши.

Она сжала его ладонь крепче, чем следовало, и, набравшись последней смелости, посмотрела снизу вверх на высокого мужчину перед собой.

- Я хочу извиниться за всё, что произошло сегодня. Ши Цзянь, пожалуйста, простите меня.

Она резко разжала руку и на одном дыхании, словно сбрасывая с себя тяжкий груз, выпалила:

- Я встретила с вами вовсе не ради вас самих. Честно говоря, вы просто очень похожи на одного старшекурсника, в которого я когда-то, в юности, была безнадежно влюблена.

Взгляд Ши Цзяня дрогнул, а сердце на мгновение пропустило удар.

...Очень похож?

- Вы такой же мягкий и добрый, как он. Нет, пожалуй, даже мягче, - она снова покачала головой.

Она этого не знала. Совсем не знала.

Их прежние, редкие и обрывочные контакты в школьные годы едва ли можно было назвать полноценным общением в привычном смысле этого слова.

Ши Цзянь искренне не понимал, почему она хранила эту тайну в себе всё это время, не упомянув о ней ни единым словом раньше, но теперь, в этот самый момент, вдруг решила открыться.

- Я чувствую себя ужасно, видя в вас лишь тень другого человека, - Вэнь Лань опустила голову и плотнее обхватила себя за плечи, словно пытаясь защититься от собственного признания. - Это глубоко несправедливо по отношению к вам.

- Я не должна была предаваться таким опасным фантазиям, превращая реально существующего человека в простую замену, - продолжила она. - Для вас это, должно быть, жестокая рана, а для меня - проявление подлости и низости.

Она глубоко, с надрывом вздохнула и слегка, почтительно поклонилась ему.

- В любом случае, я очень вам благодарна за всё, - Вэнь Лань снова подняла на него взгляд, и теперь её лицо было озарено мягкой, светлой улыбкой. - Ши Цзянь.

- Нужно ли всё это? - Ши Цзянь поднял руку, отвечая ей такой же нежной и понимающей улыбкой. - Прощальное объятие друзей?

Они слегка обнялись - всего на одно короткое дыхание, но для Вэнь Лань этот миг стал священным; она словно впитала в себя все прекрасные, чистые воспоминания, заключенные в этом простом жесте.

- Счастья вам, госпожа Вэнь.

- И вам, господин Ши.

Они медленно отстранились друг от друга. Уголки глаз Вэнь Лань увлажнились, и Ши Цзянь, заметив это, заботливо протянул ей свой платок.

- Всё в порядке, госпожа Вэнь, - тихо сказал он.

Эти слова были сказаны в ответ на её бесконечные, тихие «извинения», которыми она сопровождала каждое своё движение.

Вэнь Лань замерла, глядя на него.

Ши Цзянь мягко, с искренним теплом улыбнулся:

- Что касается того, что вы приняли меня за замену... вам тем более не стоит использовать такое суровое слово, как «низость», чтобы описывать себя.

Он смотрел на эту добрую, безоруженно искреннюю девушку.

- Я совсем не возражаю.

Оказывается...

На обратном пути Ши Цзянь отрешенно смотрел в окно автомобиля и погрузился в свои мысли:

Значит, они действительно были одноклассниками.

Это был тот редкий момент, когда он, даже спустя годы, оказался ближе всего к Тун Хуа.

Похоже, тот человек и впрямь был по-настоящему замечательным, раз и своенравный Чу Юнь, и эта благородная госпожа Вэнь до сих пор не могут вычеркнуть его из своего сердца.

Тогда... какую жизнь он ведет сейчас? И что на самом деле произошло между ним и Чу Юнем...

С того самого момента, как автомобиль подъехал к подножию холма, где величественно возвышался особняк, Ши Цзяню казалось, что что-то в атмосфере вокруг стало пугающе неладным.

Возле главного здания собралось множество людей, но никто из них не решался переступить порог и войти внутрь.

Увидев Ши Цзяня, они не выглядели так, будто встретили своего спасителя; напротив, на их лицах читался еще более глубокий, почти осязаемый страх и тревога.

- Идите отдохните, - тихо и успокаивающе произнес Ши Цзянь, стараясь разрядить обстановку.

Все присутствующие прекрасно знали, с чем именно ему предстоит столкнуться в одиночку, но никто не мог вымолвить ни слова, чтобы предостеречь его.

- Всё хорошо, - он одарил всех своей привычной, мягкой улыбкой. - Я пойду взгляну, что происходит.

- Молодой господин в винном погребе... - прошептал кто-то из прислуги.

Он толкнул тяжелую, массивную дверь погреба, и в то же мгновение в лицо ударил резкий, почти удушливый, концентрированный запах алкоголя. Холод, пропитанный спиртовыми парами, пробирал до самых костей, ощущаясь кожей словно ледяные лезвия.

Внутри царил абсолютный хаос: винные стеллажи, которые прежде всегда стояли в идеальном, безупречном порядке, теперь зияли пустотой.

Пол был густо усеян острыми осколками разбитых бутылок, и в тусклом, дрожащем свете ламп темно-красное вино отсвечивало зловещими, разбитыми бликами.

Резкий скрежет стекла под подошвами был невыносимо громким, и Ши Цзяню казалось, что он не может сделать ни шагу, не причинив себе вреда.

- Чу Юнь? - поспешно, с тревогой позвал он.

Ответа не последовало.

Осколки под его ногами с неприятным, режущим слух звуком скребли по серому известняковому полу.

Обойдя очередной стеллаж, Ши Цзянь затаил дыхание и замер на месте.

В густом полумраке, куда почти не проникал свет...

Чу Юнь неподвижно сидел в кресле с высокой, богато украшенной спинкой. Медленно, почти лениво поднимая глаза из тени, он уставился на Ши Цзяня взглядом, подернутым влажной, тяжелой дымкой.

Ши Цзянь на мгновение лишился дара речи, но, увидев, что тот сидит спокойно и не проявляет открытой агрессии, почувствовал легкое, обманчивое облегчение.

Он медленно, осторожно подошел ближе.

Чу Юнь глубоко откинулся на спинку кресла; его взгляд был темным, пугающим, а выражение лица – странным, почти неузнаваемым. Когда Ши Цзянь оказался прямо перед ним, он снова позвал:

- Чу Юнь...

Не успел он договорить, как его запястье было намертво, с сокрушительной силой схвачено железной хваткой.

Без всякого предупреждения, под аккомпанемент тяжелого, хриплого дыхания, натянутый галстук яростно обвил запястья Ши Цзяня, глубоко и болезненно врезаясь в кожу. Кости под грубыми путами пронзила острая, вспыхивающая боль.

Колени Ши Цзяня с глухим стуком опустились на усеянный осколками пол. Острые края стекла мгновенно пронзили тонкую ткань, распорили дорогие и хрупкие брюки, а возможно, и саму кожу.

Но Ши Цзянь этого не чувствовал.

Физическая боль здесь не имела никакого значения.

Запах вина – исходил ли он от хаоса на полу или от самого Чу Юня – был повсюду, он заполнил всё пространство вокруг.

Он мог бы сопротивляться, мог бы попытаться вырваться, но не видел в этом никакого смысла, поэтому так и остался стоять на коленях.

Чу Юнь, словно внезапно обессиленный, снова откинулся на спинку кресла.

- Приятно было обедать с ней?

Длинная нога бесцеремонно поднялась и уперлась Ши Цзяню прямо в грудь. Красная подошва дорогой туфли вдавилась в белую рубашку, медленно и методично усиливая давление, сминая грудную клетку.

Кожа под тканью, прижатая жесткой подошвой, в мучительном трении порождала странный, жгучий жар.

Дыхание Ши Цзяня сбилось, стало прерывистым.

Носок туфли скользнул вверх по напряженной груди, прошелся по дрожащему кадыку и уперся в подбородок, заставляя его с усилием поднять голову.

- Притворяешься весьма убедительно. Обниматься не хотел, а сам вон как расстарался, первым полез в объятия?

Последние слова, словно кончик языка, скользнувший по самой ушной раковине, проникли в уши Ши Цзяня – это было до такой степени двусмысленно и влажно, что он невольно съежился, желая спрятаться, исчезнуть.

Зрачки Ши Цзяня дрогнули, а по спине пробежала неконтролируемая, ледяная дрожь.

Чу Юнь усмехнулся:

- Удивлен?

Фотографии, словно холодные снежные хлопья, посыпались на Ши Цзяня, нанося удар за ударом.

Ши Цзянь опустил глаза, глядя на снимки, разбросанные среди кроваво-красных осколков.

Вэнь Лань выглядела элегантно и сдержанно, а он сам, слегка повернув голову, улыбался, и взгляд его был нежен, как прозрачная вода.

Это было запечатлено в тот самый миг, когда он слушал ее рассказ о прошлом Чу Юня.

Чу Юнь поднял бокал с подлокотника и, направив его на свет, с холодным интересом наблюдал, как колыхается темно-красная жидкость:

- Похоже, ты был искренне счастлив.

Сознание Ши Цзяня начало медленно ускользать.

Звуки доносились до него словно сквозь толщу воды, не достигая мозга. Ши Цзянь почти полностью отрешился от реальности, размышляя: действительно ли та боль, что пронзала кожу, была болью?

А что, если это лишь иллюзия?

Что, если на самом деле это было своего рода извращенное наслаждение?

Пока его внезапно не схватили за волосы. Резкая, обжигающая боль в скальпе заставила его нахмуриться и вынудила встретиться взглядом с Чу Юнем.

- Что? Строишь мне рожи? Хмуришься? - Чу Юнь подался вперед, с силой дергая его за волосы и шепча прямо в губы: - С ней ты такой нежный и обходительный, ведешь светские беседы?

Внезапно отпустив его, Чу Юнь посмотрел на него абсолютно холодными, лишенными тепла глазами.

- Оказывается, ты умеешь играть не только передо мной.

Белоснежная ладонь с четко очерченными суставами, державшая бокал, медленно наклонилась.

Темно-красное вино потекло, словно едкая серная кислота, проливаясь на разрезанные брюки Ши Цзяня, разъедая ткань и срывая с него последние остатки достоинства.

- Молчишь? Применяешь ко мне свое холодное игнорирование?

Звон в ушах полностью поглотил слух Ши Цзяня.

- Разве это не «последнее достоинство метода погружения»?

- Не надо...

Прошу тебя...

Хотя бы это... не сейчас...

Ши Цзянь, кажется, что-то произнес - возможно, это была отчаянная мольба, а может, из пересохшего горла не вырвалось ни единого звука. Стоя на коленях перед Чу Юнем со связанными руками, он уже находился в позе просящего, сломленного человека.

Он наверняка умолял, а может, так и промолчал.

Вино, брызнув на ширинку, превратилось в тысячи раскаленных ножей, вонзающихся в плоть.

- Как же ты играешь того, кого...

[Я чувствую себя ужасно, видя в вас лишь тень другого человека.]

- Ты не смог сыграть даже на йоту.

[Это несправедливо по отношению к вам.]

Ши Цзянь улыбался.

Как же сильно ему хотелось, чтобы весь мир, внезапно полюбивший «Ши Цзяня», увидел его сейчас: лишенного ореола ролей, лишенного дорогих нарядов, увидел, до какой невыносимой низости он может опуститься.

В нем не было ни дюйма, ни единой частицы, достойной любви.

Быть чьей-то заменой - это уже была величайшая милость и подачка.

<http://bllate.org/book/17941/1720633>